

ЖУТКАЯ КНИГА

ЮЛИЯ МИХАЛЕВА

ПРИЗРАЧНАЯ
ДЕРЕВНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Призрачная деревня	5
Травянистая	59
На дне колодца	111

ПРИЗРАЧНАЯ ДЕРЕВНЯ

1

Деревья впереди словно расступились. Знакомая тропка — узкая, еле видимая — шагнула к ним и обернулась хоженной дорогой. Ещё не ступив на неё, Яшка приметил и колодец, и белый дом на отшибе, и ряды крыш.

Да неужто снова? Не может быть! Вот же шальное наваждение!

Яшка и глаза потёр — обоими кулаками для надёжности — но деревня по-прежнему смотрела на него. И, как и десять лет назад, казалась совершенно обычной. И даже знакомой: тот дом, что с краю, и тогда тонул в зарослях толстоствольных подсолнухов.

Нет уж, больше Яшка на такое не купится! Теперь-то он точно знает: либо солнце напекло темя, вот и мерещится, либо и в самом деле добрёл до самой Зуевки.

Но до какой, к чёрту, Зуевки? Едва пара часов минула, как из дома вышел — а до Зуевки той все десять, да и то, если бегом бежать, а не плестись еле-еле, как Яшка.

Ладно, бред — не бред: не выяснить, если не осмотреться.

Колокольчик, оставленный в кустах запутавшейся коровой, нервно звякнул, когда Яшка сжал его в ладони — силь-

но сжал, был бы не из металла, так лопнул. Сжал — и пошёл к деревне.

Пахло травой. Лугом, не жильём. Из труб не шёл дым. Никто не кашеварил, и бани по случаю субботы тут не топили. Не видать ни живой души, даже скотины. Хоть бы псина бросилась под ноги или кошка свернулась где на завалинке — не тут-то было. И тихо так, что слышно только шаги Яшкины да его громкое дыхание.

Он продолжал щипать себя за руку. Краснота уже превратилась в синяк и всё разрасталась.

Это точно сон, пусть и кажется, что взаправду. И тот раз — тот прошлый раз, когда здесь, в деревне, точно живой кто-то был — тоже сон. Тогда Яшка так же, как и сегодня, пошёл в лес за дурой-коровой, да видно, прилёг отдохнуть. Вот и проснулся за полночь в гряде еловых веток. Сломя голову бросился домой, не разбирая дороги — как только не заблудился?

А дома уже хватились. Едва Яшка через порог ступил, как отец его затрепачкой встретил.

— Где ты был, паскудник?

— Всех соседей пообежали! — подхватила мать. — Ушёл с рассветом — а уже полночь! А ну, признавайся!

Старший брат, Коля, кривился с неодобрением, свысока так поглядывал, как взял себе за привычку. Сёстры пересмеивались ехидно — так и прыскали. Только младший, Егорка, послушал громкие да злые голоса, да как разревётся. Может, и напугался — больно мал был. Но Яшка тогда решил, что из жалости. Добрая он душа, Егорка-то.

— Да я это... В деревню забрёл случайно, — повинился Яшка.

— В Зуевку, что ли? И как тебя занесло?

— Не, туда б я не дошёл — далеко больно. Тут, от нас поблизости. Прямо в лесу, точнее, как через лес идти...

Отец — он вообще драться любит — прервал рассказ очередной плюхой.

— Нет в лесу никакой деревни!

Мать кивнула:

— Совсем нас дураками держит.

— Ещё раз спрашиваю: где был? И не вздумай врать!

Гнев-то Яшка мог понять, а почему не верят — никак.

— Так в деревне, говорю ведь! Зашёл да и время забыл.

— Баек наслушался и нас дурить вздумал. Нет там ничего, понял? Нет и не было никогда! — сильнее повысила голос мать.

— Есть! Точно — есть! — из глаз постыдно брызнули слёзы.

Отец неожиданно отступил:

— Ну, хорошо. Раз есть — то ты меня завтра и отведишь.

— Ладно, — легко согласился Яшка.

Отец и дядьку взял зачем-то, и соседа. Да только сколько по лесу они не шастали, а деревни той не нашли. И потешались же взрослые над Яшкой! И врун он, и в бабкины сказки верит — а что за сказки, он и в толк не мог взять.

Тут дружок помог. Когда отец подостыл — хотя, по правде, скорее, разгорячился: как вернулись, так дядьки за самогон и сели — Яшка на улицу выскользнул и Ваньку там встретил.

Пошли к лесу, по дороге сшибая палками дождевики.

Сперва Яшка молчал, но так гадко было, что не смог удержаться — рассказал о своей обиде. «Не поверит — уж врежу», — решил.

Не пришлось — у Ваньки и глаза разгорелись, и даже конопушки серые краской налились:

— Так ты деревню, выходит, видел!

— Точно видел. Деревня и есть, — хмуро подтвердил Яшка. То правде не верят, то таким обычным вещам дивятся.

— А какая она?

Яшка пожал плечами, запустил палец в нос.

— Ну... Тихая. Подсолнухи там, — они первыми в глаза бросились.

— А ещё? — торопил Ванька.

Он хотя бы не спорил, что в лесу вообще есть деревня.

— Дома. Белые, зелёные. Синие, кажется.

— Ну? А ещё что?

— Дорога. Луг, — старательно перечислял Яшка. — Заборы.

— А ведьма? Ведьму ты видел?

Яшка даже слегка напугался.

— Ведьму?

— Так в той деревне ведьма ж живёт.

— Какая ещё ведьма?

— Самая настоящая. С жабами. Она душу может украсть — это все знают.

— Да что ж там за деревня-то?

— Как, ты не знаешь? — теперь удивлялся Ванька. — Все про неё говорят. Мне вот бабуля...

— Как она хоть называется? — перебил Яшка.

— Да кто ж теперь скажет. То призрачная деревня, невзаправдашняя. Не каждому и явится — только тому, до кого дело ей есть, — вдруг Ванька замолчал, а потом стал своим же последним словам противоречить, — Яш! А мне-то её покажешь? На ведьму жуть хочу поглядеть!

— Угу, — удручённый недавней неудачей с отцом Яшка согласился не особо охотно.

Долго блуждали — деревни не нашли.

Дома снова влетело.

— Где шлялся, подлец? — на сей раз плюху отвесила мать.

— С Ваней Чижом играл, — пролепетал Яшка.

Позже вернулся пьяный отец. Из-за коровы, так и не найденной, чуть ремень о сыновью задницу не порвал.

О деревне Яшка больше не заикался, даже с Ванькой не обсуждал. А потом и вовсе о ней забыл и не вспоминал до сегодня — пока она опять не явилась.

Но только теперь Яшке уже не восемь: второго июня совершеннолетие справил. Теперь-то он уж одурачить себя не даст! Всю правду выяснит о проклятой деревне.

По спине стекал пот. Жарко просто, ничего не со страху. Чего тут бояться? Деревня и деревня себе, подумаешь — пустая.

Дома закончились. Дальше дорога пробежала обратно в лес через усеянный обломками пустырь. Как видно, здесь тоже стояли здания — прямо какое-то большое, а чуть поодаль, справа, поменьше — и землю покрывали их разорванные на части останки.

— Пора возвращаться, — сказал Яшка вслух.

Звук голоса словно оскорбил тишину — до того он был неуместным.

Да, больше похоже на явь, а не сон. Ну и что? Мало ли бывает брошенных деревень? Тогда он просто маленький был, вот и не сумел найти до неё дорогу.

Повернув обратно, Яшка высматривал первый дом на отшибе. Его вид воскрешал смутные образы, изгнанные годами. Скатерть с кружевами до самого пола. Цветочный

венок на стене. Ряд банок на полке. Что-то липкое в ладанке, свисающей с потолка. Пёс — чёрно-белый, и глаза у него: один на чёрном, другой на белом. Он точь-в-точь, как соседский, тот, что в капкан угодил. Словно узнал, лизнул руку. Кто-то вошёл...

Образы вдруг оборвались: будто чья-то рука забралась в голову и разом их отключила. Яшка вздрогнул.

Ладно, будущий солдат. До осени всего ничего осталось — скоро родину защищать, а ты от страха едва штаны не мочишь. Да и чего боишься? Домов? Подсолнухов? Слов восьмилетнего Ваньки, годом позже сгнувшего в болоте? Не веришь же, в самом деле, во всю эту бабкину чушь. А если бы Любка тебя сейчас видела?

Яшка усмехнулся — посмеялся сам над собой — и прибавил шаг.

Эх, дождётся ли Любка? Всё же два года — немалый срок.

Вот и дом на отшибе. Тихий, безжизненный, как всё вокруг. Яшка обошёл его — не слишком смело — но затем всё же решил приблизиться.

Краска на стенах растрескалась, вся пошла паутиной. Одно из окон — открыто. Так и манит: загляни. А разве не за тем Яшка ближе к дому-то подбирался?

Заглянул. Успел увидеть и стол под кружевной скатертью, и ладанку, и венок — и отпрянул с криком, едва не столкнувшись с чужим лицом.

Сперва оно удивилось, но в тот же миг рассмеялось.

Белое-белое лицо, белее чистой промокашки, брови тонкие. Через плечо — распущенная русая коса.

— Заходи, раз пришёл.

Но Яшка не просто отшатнулся — начал пятиться, делая назад шаг за шагом.

Трещины на том белом лице, как на стенах дома. Глубокие, чёрные. Губы красные, и над ними красно, словно в крови вымазано, и застряли в ней... Комья земли?

Но чёрт с ними, и с кожей, и с губами: глаза! Что за чудовищные глаза! В них как будто до краёв налили чернил.

Яшка обернулся и припустил туда, где за деревьями дорога — как он отчаянно надеялся — обрасталась тропинкой.

2

Дед тесал колышек — хотел поправить забор.

— Деда?

Старый, сгорбленный как тот дом, увязший в земле, точно в болоте. Глуховат. Трижды пришлось крикнуть во всё горло прежде, чем обернулся. Лицо, зажаренное на солнце, всё в морщинах, скукоженное, точно печёная картошка.

— Чего, сынок?

Улыбнулся сердечно, обнажив пустые дёсны — только два передних зуба, жёлтые, смешно торчали вперёд — и Яшка устыдился сравнения.

Дед его любил.

— Деда, ты же раньше карты чертил?

— Карпыча? Нее, не заходил, — дед продолжил работать. Руки худые, старческие, но не ровень молодым Яшкиным: не дрожали, не тряслись предательски, когда не надо.

— Карты, дед! Карты! Ну?

Когда-то он был... Чёрт. Яшка забыл, кем. Да и где — забыл. Такое вообще ни в жизнь не упомнишь: букв пять согласных подряд, если не все семь.

— Давно не видал, сынок. А с чего ты вдруг? — дед шамкал, когда говорил. Попробуй ещё, пойми.

Досада брала. Ну вот на что Яшке мог сдаться дедов дряхлый сосед Карпыч?!

— Карты! Карты! Ты их чертил! Ты ведь раньше работал, помнишь?

Яшка готов был отчаяться, когда дед понимающе закивал:

— Карты мои, что ли? Пойдем, глянем.

После смерти бабули дом опустел. Казалось, что покрыт пылью, хотя на деле её и не было. Сёстры Яшкины каждый день к деду заходили. Хлеб приносили, сметану свою, молоко, картоху да репу. И всякий раз прибирались.

Дед снял со шкафа толстые папки и трёхлитровую банку. В неё карты воткнуты, свёрнутые в рулоны.

— Какую?

Яшка только одну хотел: ту, на которой деревня их, Красная горка, и её окрестности. Попробуй теперь, объясни.

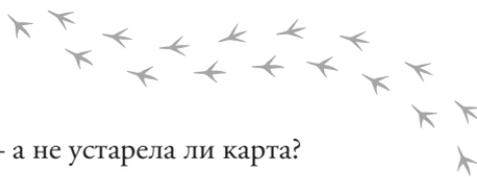
Наконец, дед понял.

— В масштабе надо, чтобы видно всё было. Сейчас... В школе задали, что ли?

Лето на дворе, да и школу Яшка два года как кончил. Десятый класс ему ни к чему — и семилетки хватит. А в техникум так и не поступил. В первый год, оставшись один в городе, не заработал, а разгулялся, в итоге экзамены подчистую и провалил. На другой год мать с ним поехала, вместе и жили у дальней родственницы, но сдать физику это не помогло.

— Да. На осень.

— Тогда вот, эту погляди. Я сам её и чертил. Когда ж это было? Году в 1923? Нет, погоди: в 1925. Мы с матерью как раз сюда перебрались.

Почти тридцать лет прошло — а не устарела ли карта?

В них Яшка смыслил ещё меньше, чем в физике.

— Деда, а тут ведь ещё деревня есть? — ничего не поняв в линиях и точках, рискнул он наудачу.

— Ревеня? Нет, сынок, нету.

— Деревня! Тут, рядом с нами. В лесу.

Дед понял не сразу — а когда понял, вдруг посмотрел задумчиво, как будто сквозь Яшку.— Верно. Была здесь раньше деревня.

— А что с ней стало?

Дед то ли недопонял, то ли не захотел сразу ответить: за шкаф полез. Там у него что-то вроде тайника. Привык с тридцатых годов там разное держать, только Яшка и знал.

— Вот, глянь-ка, — развернул драную, выцветшую холстину. — Старая карта, ещё при царе чертили. Тут она, деревня твоя.

Он ткнул пальцем. Яшка сравнил обе карты: и ту, что перед ним лежала, и ту, что перед дедом. На царской не было их Красной горки, зато немного выше имелась точка.

— А наша-то где?

— Так нет её ещё, — усмехнулся дед. — Вот как найдут выше уголь, так люди и явятся, а будет это аж в 1925 году. А карта — глянь — ещё в 1907 черчена.

Дед оставался зорким: даже мелкие цифры видел, те, что и Яшке нелегко рассмотреть.

— А та деревня куда делась?

Дед миг подумал, а потом заговорил странно, как по учебнику.

— Там, сынок, скверные люди жили. На добре своём помешанные. Советскую власть отрицали. Социально чуждые элементы, то есть. К агитпросвещению глухие, всё на своём стояли. Но ничего, холуев этих буржуйских всех

поприжали к ногтю. Барскую усадьбу, где сброд разный прятался, да часовню, подорвали, бар тех пустили в расход, а саму деревню сожгли. Так что нет её больше, сынок. Ещё в 1919 один пепел от неё и остался.

— А ты ведь, говоришь, в 1925 приехал? — Яшка нахмурил брови, хотя и не понял толком, в чём именно чудилось противоречие.

Дед тоже помрачнел, принялся крутить самокрутку — не любил, когда пальцы не заняты. Яшка не думал, что он ещё что-то скажет — поблагодарил и собрался идти.

— Васильевское она звалась, — добавил дед.

3

С Любкой встретились за амбаром. Сегодня танцы — вот все и там, на улице, хоть и вечер субботний, пусто. Позже сюда понабегут, но пока ещё рано — трезвые.

Яшка пришёл позже, и Любка, пока ждала, набрала близости последних одуванчиков. Он наклонился, поцеловать её хотел, а она как сдует всю охапку пуха прямо в лицо. Яшка громко чихнул. Оба расхохотались.

— Идём в клуб? — спросила Любка.

— Не, устал я чего-то, — он и вправду устал так, словно весь день огород копал, не разгибая спины.

— Устал? Это с чего так? — светлые глаза смеются, но смотрят внимательно-изучающе: что кроется за внезапным отказом?

Да и сам Яшка ведь отказываться не хотел. Мало таких вечеров до осени осталось, да и в глубине где-то неприятная мысль кусалась: он не пойдёт, так мигом сыщутся другие кавалеры. Мила Любка: и лицом симпатична, и в об-